

В мире полно людей, «не способных на что-то хорошее». Я лично с такими сталкивался, можете мне поверить.

Стивен Кинг

Глава 1

ДРАКОНЫ НОЧИ

1 мая 1948 года

Время лечит все, но только не страх. Возраст ничего не меняет. Мы становимся старше, но прожитые годы лишь отдаляют нас от начала начал, не стирая из памяти того, что однажды испугало в детстве — ночью, при свете луны. От чего днем по прошествии лет вроде бы не осталось и следа. Только бурое пятно на выцветших пожелтевших обоях.

Обои в комнате действительно были пожелтевшие и все в пятнах. Там, где стоял письменный стол отца, это были брызги чернил. Отец погиб на фронте. Маруся Карасева помнила его смутно. В том месте, где стояла кровать матери, обои пестрели жирными засалинами — от пропотевших подушек. Круглое пятно в центре стены было следом брюнетистой головы Кагулова. Когда он приходил к матери и оставался ночевать, то снимал португальскую сапоги и начищенные до блеска сапоги, снимал офицерский китель с новенькими майорскими погонами и, оставшись в одних галифе, садился на кровать, откидывался к стене, брал отцовскую гитару и...

«Ямщик, не гони лошадей, мне некуда больше спешить...»

Голос у Кагулова был приятный, с хрипотцой. И сам он был вальяжный, неспешный. В городе Двуреченске,

где жила Маруся с матерью, он был заметной фигурой. Его боялись, как и всех тех, кто был «из органов». А их в Двуреченске было немало, благо весной и летом на берегу реки разворачивались летние учебные лагеря МГБ для офицерского состава. Марусе Карасевой исполнилось восемь лет. Она многого еще не понимала в этой сложной штуке под названием «жизнь взрослых», но кое-что уже секла. Например, то, как меняется голос матери, когда у них гостит Кагулов. Если он оставался на ночь, то мускулистым плечом играючи выдвигал старый шифоньер, ставя его поперек комнаты и отгораживая закуток у окна, где был старый бабушкин сундук, на который клали матрас и стелили постель для Маруси. Шифоньер играл роль ширмы, заслонявшей кровать, потому что комната была только одна. До войны при отце их было две — светлые просторные комнаты на первом этаже бывшего купеческого дома на улице Ворошилова. Но сейчас за стеной в соседней комнате жила сестра матери с детьми и мужем, пришедшим с войны без ноги. Они, как и Маруся с матерью, вернулись в Двуреченск из эвакуации, а дом их сгорел при немцах, когда те еще были в городе. А на втором этаже жили Строгачевы и Маслачюнки — горластый, многодетный семейный табор.

Там, наверху, у них пел патефон. Там отмечали 1 Мая — шумно, весело, с танцами.

«На столе бутылки, рюмочки, эй, хозяйюшка, вина налей» — голос Петра Лещенко с трофейной пластинки.

Маруся Карасева сидела на сундуке в своем закутке у окна. Шифоньер перегораживал комнату. Мать ушла праздновать вместе с Кагуловым к каким-то его знакомым офицерам, снимавшим квартиру на площади у горсовета. Мать была очень нарядной, долго вертелась перед зеркалом. Надела зеленое со вставкой «американское» платье, полученное по ордеру. Она работала начальником секретариата суда и порой получала по ордеру что-то из носильных вещей, присланных по ленд-лизу. А ярко-красную губную помаду, как и чулки, подарил ей майор Кагулов.

«В парке Чаир распускаются розы...»

От сладкого тенорка, распевавшего про какой-то неведомый «парк Чаир», у Маруси зашипало в носу. День 1 Мая, который она ждала с жаром и нетерпением, начался неплохо. Рано утром всех собрали в школе. За неделю до праздника по школе гуляли слухи, что на городскую демонстрацию к горсовету пойдут только старшеклассники. Но потом оказалось, что третий, четвертый и пятый классы тоже идут. Во дворе школы появился огромный портрет Сталина, который должны были торжественно нести учителя во главе с завучем. Тут же разворачивали красные транспаранты, суетились пионервожатые. Марусе из всего этого Первомайского великолепия досталась гвоздика из мятой крашеной бумаги. Зато в школьной колонне она вместе с классом оказалась как раз под портретом вождя. Сталин плыл над Марусей, и она то и дело задирала голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Совсем, совсем не смотрела под ноги. Городской оркестр играл марши, и это были марши Первомая и Победы. Площадь Двуреченска была запружена народом. В толпе мелькало много офицеров в новенькой щегольской форме.

«Гражданочка, а давайте рискнем, затеряемся в толпе», — это вкрадчиво шепнул широкоплечий бритый капитан блондинке с шестимесячной завивкой. Тихонько шепнул, но чуткая Маруся Карасева услышала. Блондинка отшатнулась от капитана, как от зачумленного. Звали блондинку Ася Мордашова. В Двуреченск она приехала вместе с цирком. Маруся уже дважды успела побывать в цирке — один раз с классом, а другой вместе с матерью и Кагуловым, который и повел их смотреть новую программу. Ждали клоуна Карандаша. Но вместо него на гастроли в Двуреченск приехал знаменитый на всю страну фокусник и гипнотизер Симон Валенти. Ася Мордашова работала у него в номере ассистенткой. На весь период гастролей горсовет предоставил артисту Валенти жилплощадь. Он поселился вместе с Асей Морда-

шовой, своей гражданской женой, и ее двумя детьми в доме на улице Ворошилова как раз напротив дома Карасевых.

Правда, увидев их на арене, Маруся сначала ни его, ни ее не узнала. Даже представить себе не могла, что этот вот лощеный тип во фраке, смахивающий на буржуя из заграничного фильма, и его помощница в восточном тюрбане, в алых шелковых шальварах с голым животом, похожая на сказочную шамаханскую царицу, и есть ТЕ САМЫЕ соседи из дома напротив. Сын Мордашовой Марат стал учиться в их школе, в параллельном «мужском» классе. Марат и его сестра по имени Май были настоящими «цирковыми детьми», а потому возбуждали среди местной детворы всеобщее жгучее любопытство. Маруся, кстати сказать, знала об их домашней не цирковой жизни побольше других. А как было не знать — жили ведь почти рядом.

Если взглянуть из окна, дом их был отлично виден — во-о-он этот дом. Тоже бывший купеческий особняк. Крыльцо под навесом. Ступеньки. Дверь, обитая дерматином. Цирковые тоже жили на первом этаже. А прежде их квартиру занимала семья инженера Дергунова. Но они все прошлым летом куда-то вдруг делись в одночасье. Как-то на кухне Маруся подслушала разговор соседок. Одна другой говорила, что самого инженера арестовали как врага народа, а семейство его куда-то выслали. Вроде бы «загнали» за какой-то там «Можай». Маруся решила уточнить у матери насчет этого самого «Можая», но, едва заикнулась, получила затрещину. Естественно, заревела в голос — обиженная, недоумевающая. Кагулов, присутствовавший при этой сцене, потрепал ее по голове, угостил мятным леденцом и сказал: «Выбрось это из головы, Маруся, забудь».

Но Маруся не забыла. И не только материнскую оплеуху.

«Когда нас в бой ведет товарищ Сталин...» — зычный пьяный припев под аккордеон вырвался на волю из

открытого настежь окна. В майских вечерних сумерках клавишный аккорд завяз в звенящей тишине, как бритва в киселе.

Маруся слезла с сундука и пошла к радиоприемнику, стоявшему на тумбочке в углу. Что ж, день 1 Мая начался неплохо. Она ходила на демонстрацию и даже шла под портретом самого Вождя. Но потом везение кончилось. Вечером ее оставили дома одну. Мать, собираясь в гости на офицерскую вечеринку, сказала: «Не скучай и не балуйся, в десять чтоб была уже в кровати». И заперла ее в комнате на ключ.

Радиоприемник представлял собой черный фанерный ящик с окошком, в котором видна была белая лента. На ней были проставлены цифры, и они прокручивались, а поперек была натянута допотопная проволока. Порой приемник капризничал — сипел и хрипел, но сегодня вечером Первомая вдруг выдал Марусе, запертой в одиночестве, то, что передавала Москва. Шла трансляция из Колонного зала. Артист Качалов читал «Сон в летнюю ночь», а симфонический оркестр исполнял музыку Мендельсона. Первые такты увертюры наполнили комнату, поглотив собой разом все: и законную тишь, и «парк Чаир», и даже «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина», что гремело хором под трофейный аккордеон в хмельном угаре застолья.

Маруся, околдованная музыкой, застыла перед радиоприемником.

«Представьте, будто вы заснули и перед вами sny мелькнули...» Никогда прежде маленькая Маруся не слышала ни про знаменитого артиста Качалова, ни про шекспировский «Сон в летнюю ночь», но этот бархатный голос, этот голос из далекой Москвы, вплетенный в волшебную музыку...

Марусе померещилось, что таким голосом с ней может разговаривать сам Сталин, ну, тот, что на школьном портрете.

Наш срок ведь все короче,
Быстрее летят драконы черной ночи,
Взошла звезда Авроры в небесах...

А это какие еще такие драконы? Ведь никаких драконов не бывает на свете. И чертей тоже не бывает. Это все сказки и чушь — черти, покойники, ведьмы, драконы. Пионерам не то что верить, говорить-то о них стыдно-позорно. А она, Маруся, очень скоро станет пионеркой.

Грохот и лязг полночного трамвая.

Маруся невольно вздрогнула. Поежилась. Из окна дует, закрыть его, что ли?

«Бродяга к Байкалу подходит, рыбацкую лодку берет», — пьяные на улице надсаживают глотку нестройно, вразнойбой.

А из радиоприемника — «Взошла звезда Авроры в небесах...».

Маруся облокотилась на подоконник, пригорюнилась. Ночь опустила на город. Над старыми крышами в облаках плыла луна. Она заглядывала в комнату. Музыка в стареньком приемнике набирала силу. В ней отчетливо зазвучали тревожные ноты. Как будто кто-то пробирался через дремучий лес. Крался по следу, все время держась в тени, в чаще, избегая полян и открытых прогалин. Как будто кто-то хотел остаться до поры до времени незамеченным, слившись в единое с тьмой, скрывшись от всевидящей майской луны.

«Летят, летят драконы темной ночи...»

Возле дома, где жили ЦИРКОВЫЕ, торчал покосившийся тусклый фонарь. У его основания расплылось пятно света, похожее на протухший желток.

Маруся вдруг отчетливо вспомнила этих самых цирковых — нет, не самого Валенти и его ассистентку, а ее сына Марата, своего ровесника, и его пятилетнюю сестренку по имени Май. Ее звали Май, потому что она родилась 1 мая, и сегодня как раз должен был быть ее день рождения. И они бы с Маратом праздновали его, быть может, даже пригласили бы и ее, Марусю, если бы не...

Дети Май и Марат пропали в декабре. Маруся помнила, как однажды, во время урока в школе, в класс пришел милиционер, вызвал учительницу. И потом на перемене в коридоре тоже была милиция, и учителя были все какие-то странные, точно в воду опущенные. И к дому Мордашовых тоже приезжали милиционеры и следователь. Долго беседовали с артистом Валенти и Мордашовой. А соседки на кухне лишь об этом и говорили. И весь город об этом только и говорил. Были организованы поиски детей. Собирали даже партактив и комсомольцев, привлекали рабочих с завода, военных, пожарных, артистов цирка, чтобы все приняли участие в проческе окрестностей. Искали целых две недели — в городе, в лесу, в реке. Однако безрезультатно.

Говорили, что дети, скорее всего, пошли на реку кататься на льду и, возможно, провалились в незамерзшую полынью. Кагулов, как и все его сослуживцы, принимавший участие в поисках, приезжал грязный, усталый. Потом он сказал, что надежды найти детей живыми больше нет.

Маруся хотела спросить его: раз Май и Марат исчезли так же необъяснимо и внезапно, как и семья инженера, то, может быть, их тоже загнали за этот самый непонятный «Можай». Но она не спросила тогда ничего. Ей было жаль цирковых. В номере Валенти они не участвовали, но в цирке Маруся их видела. Май — хорошенькая, как куколка, кудрявая, в розовом платье, восседала в первом ряду, болтала ногами в детских гамашах. Марат стоял в проходе. Как и его отчим Валенти, он был весь из себя заграничный — подтянут, причесан на косоу прорбор, прилизан по-взрослому волосок к волоску. Дома же на улице Ворошилова он отчаянно гонял на велосипеде. А по вечерам, когда не было представлений, сидел на подоконнике и терзал немецкую губную гармошку, наигрывая вот эту мелодию...

Нет, конечно же, не эту, а совсем другую. Эта льется из радиоприемника. А бархатный голос артиста Качалова в унисон ей декламирует:

Взошла звезда Авроры в небесах,
Ее завидя, духи впопыхах
Спешат домой скорее на кладбище...

Маруся укоризненно покачала головой: ну вот, конечно же, это глупая сказка для совсем уж несмышлёнышей отсталых — кладбище, духи, мертвецы. А между тем любой школьник Страны Советов знает, что ничего этого на свете не бывает. Нет, кладбище-то, конечно, имеется, но оно далеко, на самой окраине города. А всего остального, этого самого потустороннего, нет, есть лишь реальное и настоящее — например, челюскинцы или же танк «Т-34».

В конце улицы засветились фары машины. Ближе, ближе... Скользнули по комнате, отразились в зеркале. Бежевая цирковая «эмка» подъехала к дому напротив. Из нее вышли Валенти и Мордашова. «Значит, представление в цирке уже закончилось», — отметила Маруся. Она помнила, как сокрушались соседки: «Надо же, какая доля у них, цирковых, жестокая. У них дети пропали, горе такое, беда, а им обоим на манеж выходить. А что сделаешь, билеты проданы, публика ждет. Но все же как-то не по-людски это. Хоть бы отпуск какой им там, в цирке, обоим дали, бог с ними и с билетами-то, с представлением».

Маруся наблюдала из окна, как Валенти отпустил машину, поднялся на крыльцо, начал открывать замок. Конечно, тут, на улице Ворошилова, он не такой шикарный, как на арене, без фрака, без крахмальной манишки. Но костюм на нем отличный — синий в полоску. И шляпа такая, какой ни у кого в городе не сыщешь. Сколько ему лет, интересно, старый он уже, наверное. Ася же Мордашова вообще красавица. Правда, взгляд у нее какой-то неприятный. И ведет она себя после пропажи детей странно. Как она сегодня на демонстрации на того капитана-то глянула, точно он не человек, а змея ядовитая.

Мордашова стояла у крыльца и смотрела в темноту.

— Симон, — окликнула она Валенти.
— Заходи, — он открыл дверь.
— Симон... Подойди ко мне скорее, вон там...
— Дорогая, там никого нет, — тон у Валенти был властный. — Ступай домой.

Маруся видела, как Мордашова медленно поднимается по ступенькам, то и дело оглядываясь через плечо. Дверь, обитая дерматином, захлопнулась. Звякнул засов.

А в двери Марусиной комнаты заскрипел ключ. Мать вошла, бросила сумочку на постель. По виду — чем-то сильно раздосадованная и совсем не веселая. Точно и не из гостей вернулась. И ко всему еще одна, без Кагулова.

— Чегой-то у тебя радио орет на всю ивановскую? — она кивнула на радиоприемник. — И почему ты до сих пор не спишь?

— Из Москвы передают, интересно очень. — Маруся решила не лезть на рожон.

Мать прислушалась, вздохнула под голос артиста Качалова, под музыку Мендельсона — тяжело так, по-бабьи. Потом выключила приемник, подошла к Марусе, потрепала ее по голове. Маруся ощутила запах вина. Мать глянула на шифоньер посреди комнаты, уперлась в него обеими руками и начала с усилием возвращать на обычное место — к стене. Поймав взгляд Маруси, сказала: «Он не придет, его срочно на работу вызвали». И Маруся поняла, что этой ночью они обойдутся без Кагулова.

Мать ушла на кухню вскипятить чайник. Наверху у Маслаченок давно уже выключили патефон и начали укладываться. И тут на темной улице Ворошилова слышался шум мощного мотора. Маруся тут же высунулась посмотреть, кто же на этот раз пожаловал.

На углу возле деревянного дома, похожего на барак, остановилась черная машина. Из нее вышли четверо в военной форме. Среди них удивленная Маруся увидела Кагулова. Как же так, мать сказала, что его вызвали на работу, а он тут как тут. А в деревянном доме, похожем на барак, жила Елизавета Осиповна Бауман. Она преподавала в школе, где училась Маруся, рисование и черче-

ние. Преподавала недавно — всего какой-то год. Елизавета Осиповна была не местная, а приезжая. Вроде как из самого Ленинграда. Еще про нее говорили, что она «сосланная» и вроде бы родственница того самого знаменитого Баумана, героя революции, про которого даже в школе по истории проходят. Но этого Маруся уж совсем никак не могла понять. Раз она родственница героя революции, то за что же ее сослали? Она и об этом пыталась спросить у матери, но та сразу оборвала ее: «Отстань, не твоего ума это дело».

Военные начали громко стучать в дверь. А Кагулов ждал у машины, курил. Огонек сигареты освещал его лицо.

Мать вернулась с чайником.

— Не спишь? Ну что там опять? — Она выглянула, увидела.

Военные как раз выводили Елизавету Осиповну. Та шла в вязаной кофте внакидку, прижимая к груди какой-то узел, явно собранный впопыхах. Кагулов осмотрел ее с ног до головы и распахнул дверь машины.

Мать резко захлопнула окно. Задрнула занавеску. Поднесла руку ко лбу, словно у нее вдруг голова закружилась.

— Ма, а что такое драконы ночи? — спросила Маруся.

— Чего?

— Драконы ночи, я по радио слышала.

— Ну, наверное, это такие существа. Злые, очень злые, Марусяка... Марш в кровать, первый час.

Маруся опустилась на свой матрасик, постеленный на сундуке. День 1 Мая, который она ждала с таким нетерпением, начался неплохо — демонстрация, портрет Сталина, гвоздика из крашеной бумаги. Музыка — марши, марши, потом этот вот симфонический оркестр по радио. А вот как же он кончился? Или это еще не конец?

Ей что-то снилось. И сон был неприятный. Как будто что-то тяжело легло на грудь и начало давить, давить, грозя раздавить совсем — в лепешку, в плевок. А в уши

визгливой нотой вливался, ввинчивался какой-то мотивчик, какая-то назойливая, знакомая мелодия. Маруся пробудилась. У нее затекла и онемела спина — сундук ведь не кровать и не тахта. Она села, хотела взбить подушку. И тут вдруг услышала тот же самый звук наяву — тихий перелив губной гармошки, точно свист, точно чей-то призыв. Он шел снаружи, с улицы. И все это было за задернутой занавеской.

Маруся отодвинула занавеску. Покосившийся фонарь у дома напротив был единственным пятном света, а кругом, куда ни кинь взгляд, было темно. И даже луна...

Ей показалось, что у самой границы светлого пятна движется какой-то темный сгусток. И ползет он к крыльцу дома напротив.

Луна застыла как раз над крышей этого дома. Маруся подумала, что если бы там, на Луне, кто-то из тамошних лунных жителей опустил бы вниз канат, ну как это делают в цирке, и начал спускаться вниз, то приземлился бы точно на скат крыши. А может быть, Аврора, про которую говорили по радио, и есть не что иное, как Луна или же...

Она ощутила резкий укол. Точно что-то вонзилось в нее, как острое жало. Испуганно глянула и увидела... Марата.

Он стоял под фонарем, заложив левую руку за спину, и смотрел на нее. Вид у него был какой-то чудной — волосы слиплись, а его одежда... Он всегда был так аккуратно одет, этот почти заграничный цирковой мальчик Марат, а сейчас на нем было не пойми что — все тоже какое-то слипшееся, то ли мокрое, то ли измазанное чем-то. Маруся хотела окликнуть его, спросить, где же он был, где пропадал так долго, но не смогла произнести ни слова.

Он не сводил с нее взгляда со странным голодным выражением. Ненасытная животная алчность — вот все, что выражало его лицо. И это было так жутко...

А потом его словно позвали из темноты — послышалось злобное хриплое ворчание. К крыльцу дома напротив метнулась тень.

Маруся закричала, не помня себя от страха. Тяжесть — та самая из сна, снова сдавила грудь, и она почувствовала, что не может дышать, что ее горло, ее легкие как будто наполнены песком. Она упала на пол. Мать, разбуженная ее криком, застала ее бьющейся в судорогах на полу. Она схватила ее, приподнимая, тормоша, пытаясь остановить припадок. И тут потрясенно узрела фонарь за окном у дома Валенти — при полном безветрии он бешено раскачивался на кронштейне, точно под натиском бури. А потом затрещали доски. Полетели клочья дерматина и ваты. И ночную тишину улицы Ворошилова разорвал отчаянный вопль боли.

Глава 2

«ЕСТЬ УБИЙСТВО И УБИЙСТВО»

Сентябрь 200... г.

В мире нет ничего более суетного, реального и приземленного, чем железная дорога. И вместе с тем в мире нет ничего более причудливого, фантазмагоричного и иррационального, чем железная дорога. Вокзал, перрон, поезд, купе. Гудок тепловоза. Относительность движения. Что движется, а что стоит? Кто отправляется в путь, а кто остается на месте? Поезд трогается, уплывает перрон, тает в тумане вокзал, распадается на атомы толпа провожающих, а вы сидите себе, смотрите в окно. Вы никуда не едете, и поезд ваш стоит на месте, это все остальные, весь окружающий мир, вся вселенная сдвигаются с насиженного места, отправляясь в путь навстречу неизвестному.

— ...Нет, ну согласитесь, все-таки на железной дороге в последние годы стало гораздо больше порядка.

— Особенно после того, как пустили под откос «Невский экспресс».

— И комфорта, и комфорта стало больше. И дизайн современный. Билеты по Интернету можно заказать.

— А этих подрывников экспресса, кажется, так до сих пор и не нашли. Или уже арестовали?

Подávalи реплики от соседнего столика вагона-ресторана. Катя Петровская, по мужу Кравченко, особенно-то и не прислушивалась. Но «Невский экспресс» под откосом» задел-таки ее за живое. Каково, а? И зачем про такие вещи вспоминать, когда вы сами в дороге, когда вы не что иное, как просто незащищенные пассажиры, отданные коварному железнодорожному Молоху на съедение.

Поезд был новехоньким серебристым «Северо-Западным экспрессом». И мчалась в нем Катя дождливой сентябрьской ночью мимо лесов, деревень и городов не совсем даже и по своей воле и желанию, а вынужденная к такому путешествию стечением обстоятельств, главным из которых был неожиданный-негаданный звонок от ее закадычной подруги Анфисы Берг:

— Катя, все кончено. Он уехал. Бросил меня. Я, наверное, умру.

Попробуйте услышите такое тишайшим вечером в вашей собственной спальне при свете ночника, подняв трубку телефона в полной уверенности, что это какой-то недотепа перепил и просто ошибся номером. А на том конце голос вашей подруги Анфисы, плачущей навзрыд.

Муж Кати Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «Драгоценным В.А.», нахмурился: «Это кто там еще? Какого, понимаете, хрена надо ночью?»

— Это Анфиса, — шепнула Катя.

— Так она ж отдыхает с этим своим, как там его...

Правильно. Все дело и было в том, что сияющая Анфиса всего неделю назад уехала отдыхать со своим мужем Константином Лесоповаловым. «Мой муж», «мы с мужем» — это она так называла его всегда и везде, видимо, искренне считая его таковым. Увы, в реальности все обстояло по-другому. Константин Лесоповалов официально был мужем чужим и вроде бы подавать на развод

не собирался. Катя знала его по работе. Ей, криминальному обозревателю Пресс-центра Московского областного ГУВД, не раз приходилось общаться с начальником отдела милиции капитаном Лесоповаловым. Парень он был бравый, геройский, здоровенный, как шкаф. Спортсмен и штангист, ревностно подражавший великому Арнольду Шварценеггеру. Анфиса втюрилась в него, как признавалась сама, с первого взгляда и любила его без памяти. А он...

Нет, Катя была свидетелем, что Лесоповалов к Анфисе относился очень хорошо. И тоже, кажется, любил, но... У него была и весьма крепкая официальная семья — жена, дочка, старики родители. Влюбленной Анфисе он внушал, что не может бросить семью из-за дочери. В основном из-за дочери, которая еще мала. А старики родители слабы здоровьем, и развод может их убить. А жена его... Ну, они давно уже друг другу посторонние... В общем, год за годом он вешал Анфисе на уши эту всеобщую мужскую лапшу, а она верила. Терпела и прощала. Ждала.

Лесоповалов был для нее светом в окошке. Анфиса страшно комплексовала из-за своего избыточного веса. Она и правда была толстой. Ужасно милой, доброй, отзывчивой, преданной и верной. Но, по современным стандартам, некрасивой — толстой. Когда такой молодец, как капитан Лесоповалов, внезапно стал оказывать ей знаки внимания, а потом и настойчиво ухаживать, она сначала не поверила, растерялась, а затем влюбилась в него так, что Кате даже стало боязно за ее дальнейшую судьбу.

Анфиса была весьма успешным и модным столичным фотографом. Трудилась для глянцевого журналов, выставлялась в продвинутых галереях, продавала свои работы за рубеж. Зарабатывала она в три раза больше, чем начальник отдела милиции. Лесоповалов приезжал к ней, оставался ночевать, иногда даже зависал на несколько дней. Как уж он там объяснялся со своей официальной половиной, Катя только дивилась. Но, видно,

умел изыскивать увертки, потому как такое половинчатое двоеженство с его стороны длилось не один год.

Нет, если уж быть до конца откровенной, то Анфиса ему действительно нравилась. В том числе и фигурой своей богатой. Атлет Лесоповалов предпочитал толстущек. Анфиса же его обожала. Они постоянно планировали, что вот как-нибудь утрясут все дела и проблемы и махнут вместе на отдых. Анфиса накопила денег. Она готова была отправиться со своим Костей куда угодно — в средиземноморский круиз, в Таиланд, на Канары. Но Лесоповалов, человек небогатый, однако гордый, от таких подарков с ее стороны наотрез отказался. Выбрали обоюдно более скромный вариант — Валдай. Анфиса перед отъездом звонила Кате — безмерно счастливая. Они уезжали в частный пансионат. Катя даже адрес записала на всякий случай: городок Двуреченск, «Валдайские дали».

Раньше чем через три недели Катя ее и не ждала в Москву. И вот этот Анфисин звонок.

— Да что стряслось-то у вас? — спросила она, включая «громкую связь», чтобы и «Драгоценный» был в курсе.

— Он меня бросил. Вернулся к жене. К семье. Собрался и уехал, — Анфиса продолжала рыдать.

— Вы что, поссорились?

— Нет. Просто он не выдержал со мной. Это все, Катя. Это конец всему.

— Ты возвращаешься? Анфиса, ты едешь в Москву?

— Зачем? Катя, мне нечем и незачем больше жить. Я, наверное, умру.

— Анфиса!

— Я хочу умереть!

«Ту-ту-ту» — отбой. Катя бросилась звонить ей на мобильный. Он был отключен.

— Мрак какой-то. — Катя села на постель. Они с «Драгоценным» спать собирались, у «Драгоценного» вид был до звонка такой томный, многозначительный. Он даже побрился на ночь. А тут нате вам — такой ночной концерт.

— Вадик, что делать-то?
— Ты меня спрашиваешь?
— А кого же мне еще спрашивать? Ты у нас всему голова.

— По-моему, дело житейское. Поссорились, помирятся. — Кравченко улыбался.

— Он бросил ее там, ты же слышал.

— Где там?

— Ну, в этом пансионате или гостинице. В «Валдайских далях». Сбежал.

— Может, еще и не сбежал.

— Слушай, я боюсь за нее. Анфиска же нормальная во всем, но что касается этого дурака... Вбила себе в голову, что она уродина, а он весь такой из себя принц прекрасный. Знаешь, она вполне может это самое...

— Чего?

— Ну, из-за него что-то сделать с собой. Натворит беды.

— Где эти «Валдайские дали»?

— Где-то на Валдае. У меня адрес записан. Вот, какой-то Двуреченск.

— Кинь ноутбук. — Кравченко поудобнее уселся в подушках. — Щас глянем. Двуреченск — есть такой. Четыреста километров от столицы. Ехать через Тверь, Торжок. Ну-ка, какие туда поезда бегают?

— Поезда? — насторожилась Катя.

— Анфиса там совсем одна? — спросил Кравченко.

— Она говорила, что этот пансионат держит какая-то ее знакомая, она ей с рекламой помогла, ну и теперь они дружат.

— Это деловые отношения. Компании, значит, там у нее подходящей нет.

— Конечно, нет. А ты слышал, какой у нее голос был? Я боюсь, что...

— Слышал. Вот поезд есть, — Кравченко погрузился с головой в Интернет, — завтра. «Северо-Западный экспресс», ничего, подходящий. Отправление в 0.30, ночь в пути, к семи утра уже там.

— Ты предлагаешь мне ехать?

— Я предлагаю? — Кравченко изумился. — Анфиса чья подруга, моя или твоя?

— Она вполне может натворить с собой беды из-за этого идиота. А ты что, не будешь против, если я рвану к ней?

Кравченко вперился в потолок. Обычно он закатывал скандал, даже если Катя робко заикалась о том, что едет по служебным делам в подмосковный Дмитров. А тут... надо же... Разгадка была проста. Кравченко уважал и ценил Анфису. И дорожил их с Катей дружбой.

Он заказал Кате по Интернету билет, проводил ее на вокзал и посадил в поезд.

— Ты оттуда не рвись, — сказал он. — Все равно у тебя дни от отпуска остались. Если Анфиса захочет в Москву, бери ее в охапку и вези, а не захочет — побудь там с ней. Глядишь, и выправится ситуация помаленьку, потихоньку. Все ж таки красотища — природа, реки, озера. Ей отдых нужен сейчас, а не здешняя нервотрепка и выяснение отношений с этим ее охламоном.

— И ты совсем-совсем не будешь злиться, психовать, если я там с ней задержусь?

— Я вас обеих порву на куски, — пообещал Кравченко. — Потом. Не волнуйся, зайчик, за мной не заржавеет.

И все же провести целую ночь без сна, пусть и в комфортабельном «Северо-Западном экспрессе», счастье было невеликое. Катя сначала изучила от корки до корки журнал мод, потом пялилась в захваченный с собой в дорогу DVD-плеер, зарядив фильмы Хичкока. Однако ночь брала свое. Глаза слипались, и она решила пойти в вагон-ресторан выпить кофе.

Ресторан был полна коробочка. Многие пассажиры коротали время до своей остановки именно здесь. Пили, естественно, не только кофе, но и кое-что покрепче. Оживленный треп за столиками касался самых разных тем. Например, того же злосчастливого «Невского экспресса».

Чур, чур меня, не к ночи он будь помянут!

— ...Поймите вы, Москва ваша живет как заповедник. Не может столица жить так, а вся страна, огромная страна, совсем иначе. Вот она, страна, за окном, неужели не видите разницы?

— При чем тут Москва? Важна инициатива на местах. Развитие, инновации...

С этими за угловым столиком все понятно.

— ...Алло! Алло! Алик? Это Гриша. Поздно? Ничего не поздно, я с поезда звоню. С по-е-зда! Деньги на счет должны прийти в понедельник, максимум во вторник. Платежка у меня на руках.

С этим, охрипшим, сросшимся со своим мобильником, тоже все ясно.

— ...Вер, смотрела «Иронию судьбы — 2»?

— Ну?

— Правда, Хабенский там лапочка?

— А который там Хабенский?

И с этими тоже все понятно. Вот скуотища-то!

— ...Понимаешь, есть убийство и убийство. Разница большая. Там же из самого дела, которое я в архиве смотрел, из самих протоколов осмотра уже масса вопросов вытекает. Одно то уже, что само дело в том же сорок восьмом году забрали из Двуреченска. И потом все эти годы хранилось оно в архиве на Лубянке.

Двуреченск был той самой станцией, где Катя должна сойти с поезда. Естественно, она заинтересовалась. Разговаривали за столиком позади нее. Она обернулась украдкой — молодые парни. Один с модной бородкой, как у диджея, другой с косыми височками, в очочках. Ну-ка, включаем интуицию, кто они могут быть по профессии?

— И ты надеешься из всего этого старья наскрести на сюжет?

— На полноценный репортаж. Твое дело снимать, мое дело разговаривать с людьми.

— Шестьдесят лет прошло. Сдурел? Кто что может помнить?

— Найдем тех, кто помнит, — старух каких-нибудь, ветеранов. Там долго слухи про это дело не затихали, так что не волнуйся, материала нам на месте хватит.

Так, ясненько, господа журналисты. Катя вздохнула. Эту публику можно узнать и с закрытыми глазами. А о чем они толкуют? Про какое еще убийство в этом самом Двуреченске, где сейчас Анфиса одна-одинешенька?

Тут она отвлеклась, обратившись мыслями к Анфисе. Как она там? Вон сколько времени уже с ее звонка прошло. Телефон ее сотовый по-прежнему недоступен. Но это ничего не значит. Она просто не желает общаться с внешним миром. А вот не стряслось ли там с ней что-то похуже? Может быть, она от отчаяния уже таблеток снотворных наглotalась? Катю бросило в жар от этой мысли. Вообще вряд ли Анфиса брала с собой снотворное, она ведь никогда прежде им не пользовалась. А если не снотворное, то что еще может представлять угрозу? Там река, озера. Вот черт, полно там воды, на этом Валдае. А что, если Анфиска решила с горя утопиться? Мамочка моя...

Но тут Катя, к великому своему облегчению, вспомнила, как они с Анфисой ездили на Красное море в Эйлат. Как толстушка Анфиса ложилась в воде на спину и качалась на волнах, как поплавок. «Жир потонуть мне не даст, — вздыхала она. — Знаешь, почему пингвины не тонут? Потому что они, как я».

Катя в душе благословила и пингвинов, и лишний жир. От сердца у нее отлегло.

— ...Там уже в самом протоколе осмотра ерунда какая-то наружу выплывает, — репортер с бородкой облокотился на скатерть. — Дверь входная взломана. Так и записано. Но взломана снизу.

— Как это снизу?

— Ну, пролом сделан от пола до уровня замочной скважины. Дыра в двери зияет под дверной ручкой — доски вывернуты, расщеплены, дерматин, которым дверь была обита снаружи, вспорот, вата клоками.

— А чем взламывали — топором или ломом?

— Следствие тогда так и не установило. Там рапорт сохранился участкового, корявый такой, малограмотный. Так он написал, что «в двери прогрыз».

— Что за бред? — Собеседник репортера с бородкой закурил. — Какой еще прогрыз?

— Он, видно, так воспринял эти повреждения. Дыра от пола до дверной ручки вот на таком уровне, — репортер с бородкой показал жестом. — И тот, кто проник в дом через это отверстие, забраться мог только ползком, на четвереньках. Ну как какое-то животное.

— Но там же, ты сам говорил, рапорт сохранился о задержании какого-то типа. Он признался в убийстве Валенти и его сожительницы?

Катя слушала вполуха, пила кофе. Любопытно, конечно, какое-то старое убийство господина журналисты раскопали для телепередачи. Но ничего, увы, не понятно. А спроси она их, так они ей и выложили. Это ж их хлеб с маслом репортерский. Так что лучше и не спрашивать. Надо допить кофе и вернуться к себе, смотреть фильм Хичкока. Однако странно, они говорят про взломанную дверь. Зачем же ее именно так взламывать, ведь проникать действительно неудобно — ползком, на четвереньках...

— Задержали какого-то пьянчугу. И он во всем сознался. Я думаю, его чекисты так обработали, что он убийство мамы родной взял бы на себя, не то что этого гипнотизера Валенти с его ассистенткой, — репортер с бородкой усмехнулся.

— А почему чекисты?

— Я же сказал тебе: дело уже летом 1948 года было затребовано в Москву в МГБ. И не только потому, что Симон Валенти был известный на всю страну цирковой артист. Их тогда трое цирковых было, чьи имена после войны гремели по стране — Бугримова, клоун Карандаш и он — Валенти, фокусник и гипнотизер.

— Я думал, Кио-отец...

— При чем тут Кио? Валенти еще до него был бешено популярен. Все тридцатые, сороковые. Его способ-

ностями гипнотизера НКВД перед войной весьма интересно, и скорей всего его завербовали.

— Постой, это твои догадки или же...

— Слушай, он дружил с Абакумовым. И к Берии его возили несколько раз. И в Кремль. А с Абакумовым он был вообще очень близок. Я думаю, что тогда, в сорок восьмом году, в Москве что-то произошло. Эти поспешные гастроли Валенти в провинцию, в глубинку были похожи... ну не знаю, на ссылку или на бегство. А возможно, была еще какая-то для этого причина. Короче, он уехал из Москвы вместе с этой своей Мордашовой, ассистенткой, и двумя ее детьми от первого брака. Они гастролировали с цирком и приехали в Дзуреченск. 1 мая 1948 года Валенти и его ассистентка были зверски убиты в доме, который снимали. Протокол осмотра тел читать тошно — кровавая неразбериха, кошмарные детали.

Катя не выдержала и оглянулась на своих словоохотливых соседей. Боже мой, неужели в ночном поезде за чашкой кофе, за рюмкой коньяка нет других более веселых, жизнерадостных тем?

Кровавая неразбериха... Имя артиста цирка Валенти ей ничего не говорило. Скорее всего, это звучный псевдоним. В то время модно было брать разные там иностранные фамилии для манежа. Но история, кажется, довольно интересная, жаль, что только в обрывках. Ну, сделают репортаж, фильм в стиле ретро, типа «Следствие вели», покажут по телику, вот и узнаем подробности.

— А ты детей этой его ассистентки упоминал. Они что, тоже были убиты? — спросил репортера с бородкой его собеседник, как поняла Катя, видимо, нанятый в поездку оператор.

— Дети бесследно исчезли за четыре месяца до убийства — в декабре. Их искали всем городом. Но тогда зимой и весной сорок восьмого так и не нашли.

Раздался резкий гудок электровоза. За окном вагона-ресторана замелькали огни встречного поезда. На дне Катиной чашки темнел толстый слой кофейной гущи.

ЛЮДИ ИЗ РАДУГИ

Когда вы сходите с поезда на перрон чужого незнакомого города, а поезд, погудев на прощание, следует дальше, почти сиротское чувство овладевает вами. Хочется ехать дальше и как-то даже не верится, что вот это и есть конец пути, тот самый пункт назначения, куда вы купили билет.

Поезд ушел. Катя осталась на перроне. Было утро. Был город Двуреченск. В промытых дождем небесах над городом цвела радуга. Она была потрясающей и вместе с тем какой-то ненастоящей, как будто нарисованной акварелью — яркой и одновременно размытой.

Радуга выгибалась коромыслом над желтым потрепанным зданием городского вокзала, давно уже не знавшим ремонта. И над привокзальной площадью она дыбилась горбом, накрывая собой, как куполом, дома, старый рынок и мост через реку. Она и сама была похожа на мост, перекинутый оттуда — сюда, из одного мира в другой.

Катя созерцала радугу, ощущая по-прежнему то самое сиротское чувство одиночества. Анфиса не встречала ее в Двуреченске. Она и не знала, что Катя уже здесь. Как воспримет она этот спешный приезд, это, по сути, вмешательство со стороны в свою незадавшуюся личную жизнь?

«Если с ней все нормально и если она не захочет пока вернуться в Москву, если я только почувствую, что ей мое присутствие сейчас в тягость, то что ж, вот вокзал, вон касса. Из-за еще одной ночи в поезде на куски я не рассыплюсь», — решила Катя, подхватила вещи, поискала глазами на перроне тех самых говорунов — журналистов из вагона-ресторана (вроде как они здесь тоже должны были сойти, но нет, не видно их что-то) и пошла на площадь искать такси или частника, который довез бы ее до «Валдайских далей».

Рынок у вокзала уже открылся, но покупателей на нем было кот наплакал. Да и продавцов тоже. Такси Катя тоже не засекала. Зато узрела у двухэтажного магазина «Продукты — Хозтовары» забрызганный грязью джип. Хозяин его вышел из магазина с картонной коробкой пива в руках. Это был плечистый спортивного вида парень, одетый в пятнистые брюки цвета хаки, в бейсболку и куртку-бомбер. Он загрузил пиво в джип, а потом неторопливо прикурил от зажигалки, явно никуда особо не торопясь. Катя ощутила на себе его взгляд — оценивающий и липкий, как смола.

Открылась дверь соседней с магазином «Аптеки». На пороге возникла брюнетка в накинутом на плечи белом халатике. Она была маленькой, крутобедрой, пышногрудой. Ровный загар золотил ее смуглую кожу. Черные брови вразлет. Пухлые губы, накрашенные вишневым блеском. Белые джинсы-стрейч и черная кофточка с глубоким декольте выгодно подчеркивали ее весьма аппетитные для мужского глаза формы. Она ни капли не походила на провизора, несмотря на свой белый кокетливый халатик. И позже Катя поняла, что не ошиблась в той самой первой своей оценке: Анжела Юрьевна Харченко по прозвищу Аптекарьша была владелицей аптеки, где отоваривался лекарствами почти весь городок.

— Чудная погода, — жизнерадостно сообщила она — нет, не Кате (на нее она лишь зыркнула с любопытством цыганским своим глазом: это что еще за птица к нам залетела, зачем?), а парню из джипа. — Я-то думала, дождик опять зарядит на целый день, а вот разгулялось.

Парень осклабился.

— Вы ведь из охотклуба? — прощепетала Аптекарьша.

— Ну? — Парень перекинул сигарету из угла в угол рта.

— Славно отдыхается там, наверное, сейчас.

— Ничего, все путем. — Парень несыто пялил глаза на глубокий вырез ее кофточки. — И тут все вроде путем, а?

— О, если не считать скуки.

— От изжоги что-нибудь найдется?

— Простите, что? А, да, конечно... Заходите, сейчас мои девочки подыщут. — Анжела Юрьевна, владелица аптеки, посторонилась, пропуская хозяина джипа. В дверях он словно бы случайно прижал ее к косяку.

Катя с досадой отвернулась — утро, а тут уже гормоны зашкаливают, заигрывают друг с другом напрапалую. Тоже мне герой-любовничек, рожа протокольная. Но видно, не в роже дело, а в стати. А статья, фигура у этого «охотничка», хоть и дура, но дура накачанная, мускулистая, совсем как у...

Тут на ум пришел Анфисин «свет в окошке» Лесопалов, и Катя ощутила прилив злости. Все из-за него. Зачем ехал сюда, зачем Анфиску тащил с собой, раз не сумел все там, в той своей семье, уладить перед отъездом? Мужики! Хотят, чтобы только им одним было хорошо. А на остальных плевать. А в результате... Черт, надо спешить в эти «Валдайские дали», встретиться наконец-то с Анфисой, узнать, в каком она там раздрае душевном.

Старушка, торговавшая вязаными носками и бертатами у входа на рынок, посоветовала ей перейти на ту сторону железнодорожных путей — там, мол, стоянка, там и «шоферня день-деньской крутится». Катя прошла через здание вокзала. На стоянке действительно куковало несколько раздолбанных «жигульков» с оранжевой меткой «такси» на крыше.

Однако на перроне ее внимание привлекла еще одна шумная сценка: из отцепленного вагона с помощью лебедки целая бригада рабочих выволакивала какой-то внушительный контейнер, готовясь погрузить его в подогнанный прямо к вагону грузовик.

Работами командовал молодой полноватый мужчина в джинсах и черной фирменной толстовке.

— Осторожнее! — орал он на грузчиков. — Разуйте глаза — трос заело!

Лебедка натужно хрипела. Контейнер угрожающе раскачивался. Ощущение было такое, что грузят какую-

то громоздкую мебель, а может быть, и концертный рояль. Но Катя ошиблась.

— Че это, п-правда катер? Ни ф-фига себе. И че, п-плавать на нем в натуре б-будете?

К мужчине по-свойски обращались два подростка, которых Катя поначалу в общей суеде и не заметила. Вид у мальчишек был бывалый, скорее всего, они не впервые прогуливают в самом начале учебного года уроки, толкаясь на вокзале.

— У Б-Буркалова тоже к-катер моторный, — объявил один из них — заика.

— У какого еще Буркалова? — насмешливо спросил мужчина в толстовке.

— У мэра нашего, — второй паренек кивнул куда-то туда, за вокзал. — «Маде ин голанд».

— Вы какой язык в школе учите?

— Аглицкий.

— Произношеньице супер. Голландский, что ли, катер у вашего мэра? — хмыкнул мужчина в толстовке. — Мой круче. Приходите, пацаны, дня через два, опробуем мотор.

— Че, п-правда приходит? В натуре? Это на п-пристань, что ли? — спросил недоверчиво заика.

— Легче, черти, завалите ведь вещь! — не отвечая, взвился мужчина в толстовке. — Вот так, вот так — потихоньку, аккуратно. Вошло, встало в кузов, все.

Он вытер вспотевший лоб. И словно только что заметил Катю. А она давненько уже стояла, глазела, теряя попусту драгоценное время. Честно говоря, медлила она не от крайнего легкомыслия и рассеянности, просто... сочиняла в уме версию попрличнее, чтобы своим приездом не подлить масла в огонь Анфисинового сердечного пожара: «Надо ей что-то такое сказать, чтобы еще больше ее не взвинтить, а то она там и так вся на нервах».

— Жалкое зрелище? Забавляет вас? — спросил мужчина в толстовке. — Я катер купил, вот доставили по ЖД.

— Поздравляю.